

ТАНЮШКА

Было это много-много лет назад в небольшом сибирском посёлке. Танюшка (так ласково называли её взрослые) училась в пятом классе обычной общеобразовательной школы. Дети звали её Кнопкой за малый росточек, смешильность и весёлый характер.

После уроков многие ученики оставались в группе продлённого дня. У Танюшки в семье было ещё девять братьев и сестёр, и родители с радостью определили своих школьников в эту группу: и в доме не так кучно, и домашнее задание выполнят под присмотром учителей, и покушают, что тоже немаловажно.

Танюшка охотно оставалась в школе после уроков по этим же причинам.

Обедать детей водили в совхозную столовую. Идти было недалеко, но их всегда почему-то выстраивали в колонну по два человека. На ходу они громко выкрикивали пионерские речёвки.

В тот морозный ноябрьский день школьники, как всегда, двигались к столовой. Надо же было такому случиться: к колонне прибился Андрейка – первоклашка, младший брат Танюшки. В тот день он бегал по улице безнадзорным, так как из-за лёгкой простуды в школу не пошёл. Родители с утра до вечера на работе, а старшие дети могли и не заметить, как и когда он выскользнул из дома.

То ли учительница отвлеклась, то ли не обратила внимания, но все ребята (и Андрейка тоже)

дружно ввалились в столовую, где было тепло и вкусно пахло. Дежурные, накануне убежавшие вперёд, уже накрыли столы. Дети повесили одежду на вешалки. Танюшка усадила брата за стол, заботливо пододвинула поближе к нему тарелки, и, когда все уже заняли свои места, она увидела, что ей самой порции не хватило. Она стояла в растерянности и обдумывала: «Почему так?».

Учительница только сейчас заметила Андрейку.

– Что это такое? Почему он здесь? – грозно закричала она.

На крик прибежали работники столовой, окружили учительницу, нависшую над готовой расплакаться девочкой. Из всех разговоров взрослых Танюшка поняла, что лишней порции у них нет и ей надо выпроводить брата домой.

Пятиклассница смотрела на столы, на тарелки с дымящимся супом, на котлеты с лапшой, от которых такой аромат шёл, что даже живот сводило. Посмотрела на брата, который не понимал, за что ругают сестру, только жалостливо поглядывал на неё. Впервые в жизни девочка услышала казённые слова: «Не положено», испугалась и почувствовала огромную ответственность за выбор, который она должна сейчас сделать. Либо самой остаться без обеда, либо отправить брата домой – а там только хлеб, картошка да молоко.

Тогда Танюшка оглядела с укором тётенок в белых халатах, подняла глаза, полные скорби,

на учительницу, подбежала к вешалке, схватила своё поношенное пальто и выбежала на улицу. Слезы брызнули из глаз.

И тогда взрослые словно очнулись. Тётя Рая, повар, Танюшкина соседка, не одеваясь, выскочила вслед за Танюшкой, догнала девчонку и почти силой завела обратно в столовую.

Танюшка уже без всякой радости, глотая слёзы, пообедала. Притихшие дети внимательно разглядывали девочку, словно впервые увидели её.

ПИСЬМО

Колька проснулся раньше обычного. Хмурое утро не предвещало хорошего дня. Голова болела от вчерашнего выпитого вина, водки и ещё чёрт знает чего. Отмечали с друзьями очередного его отпущ.

Колька обвёл красными от перепоя глазами комнату: грязь, пыль, окурки, пустые бутылки на столе и под столом, на одной петле болтавшуюся дверцу шифоньера.

«Надо бы опохмелиться», – подумал он, но вдруг его затошнило, кровать начало качать, как люльку, всё сильнее и сильнее. Раскачавшись до полной амплитуды, она перевернулась и ухнула в пропасть.

Колька струхнул. С ним такой штуки никогда ещё не было. Что бы это значило? Неужели внутренний механизм даёт сбой? Где-то, наверное, заклинило шестерёнки. В нём всегда жило представление о собственном организме как о механизме часов. И перед первым стаканом спиртного он обычно говорил друзьям: «Необходимо смазать колёсики, а то заржавеют».

Колька с трудом перевернул своё тщедушное тело через край кровати, попал ногами в собственную рвотную лужу. Кое-как поднялся, поплёлся к умывальнику. Как смог помылся. Сознание начало проясняться. Вошёл в комнату, упал на койку. Его тошнило, но кровать больше не качало.

Колька задумался. То, что с ним сегодня произошло, должно быть сигналом к тому, что не всё в порядке со здоровьем. С детства он боялся болеть. После двухмесячной оспенной горячки в пятилетнем возрасте любая болезнь ассоциировалась с чем-то грозным, тяжёлым и очень тревожным. И сейчас ему совсем не хотелось болеть, тем более умирать. Вспомнил мать, уже, наверное, состарившуюся, забытую в бестолковости дней. Что она сейчас делает, как управляется с хозяйством в маленькой деревушке? Лет

восемь уже не видела она своего блудного сына. Первое время, с тех пор как подался искать лучшую жизнь, ещё писал ей, открытки на день рождения посылал, а потом закружило, замотало и занесло его на стройку века – БАМ. Правда, время от времени отправлял матери денежные переводы по почте.

Воспоминание о ней как-то заслонило, отодвинуло собственное недомогание. В нём начала расти жалость к матери и покаяние перед ней. «Надо сегодня же написать», – решил Колька.

Все эти размышления он баюкал, уткнувшись лицом в подушку. Наконец, повернул голову, открыл глаза, увидел опять грязь, заляпанный, захламленный стол, заплёванный пол и застонал. Ему стало противно от вида своей комнаты, тошно от бессмысленно прожитых лет.

Ещё немного полежал, собираясь с силами, затем вскочил и быстро пошёл за ведром и тряпкой. Вернулся, открыл окно. В комнату хлынул таёжный влажный воздух. Колька вздохнул полной грудью и выдохнул: «Всё». Что это слово значило, было понятно только ему одному.

Он с дикой энергией и неестественной для него весёлостью принялся за уборку. В первую очередь сложил узелком клеёнку со стола, отнёс в мусорную кучу. Сменил постельное бельё, заправил кровать по линейке, как учили в армии пятнадцать лет назад, вымыл полы. Теперь можно написать матери хорошее, ласковое письмо. В комнате не оказалось ни ручки, ни бумаги. Быстро оделся в чистое, причесался и направился в контору. Бухгалтер одолжила ручку и два тетрадных листа. В магазине купил конверт. Вернулся домой, вскипятил воду, заварил густо чай. Хотел закурить – пачка оказалась пустой. Хотел вернуться в магазин, но передумал. Лихорадочное желание написать матери письмо и поскорее его отправить усадило его за стол. Отхлебнул несколько раз из железной кружки пахучего чая и начал писать.

Письмо получилось не очень длинным, но добрым. Спрашивал о здоровье, о хозяйстве, просил прощения за своё легкомыслие, за то, что долго молчал. Обещал скоро приехать. Надо было утрясти дела с отпускными, привести себя в порядок, приодеться, чтобы односельчане не заподозрили в нём неудачника.

Колька отнёс письмо на почту, заскочил в магазин за сигаретами и отправился в столовую.

Прошло три дня. За это время спиртное бо-
ялся даже нюхать, дабы не подвергнуть себя со-

73

блазну. Нет-нет да останавливался у небольшого круглого зеркала, висевшего на стене, задумчиво смотрел себе в глаза. О чём думал, неизвестно.

Вечером на третий день почтальонша принесла ему телеграмму: «Приезжай. Мама серьезно заболела. Тетя Вера». Отпускные ещё не поступили в кассу. Мужики из бригады Николая вывернули свои карманы, обошли всё общежитие мужское. Вложили пачку измятых купюр товарищу в руки, а утром проводили до автобусной остановки, откуда он должен был ехать на вокзал, а там уже поездом.

С тяжёлым сердцем подходил Николай к низкой калитке своей ограды. Из дома вышла не мать, а тётя Вера, соседка. Сердце ухнуло, заскулило. Почему-то сразу понял, что опоздал.

Тётя Вера успокаивала Николая и сама тут же всхлипывала, утирая тыльной стороной ладони слёзы.

– Вчера, Коля, вчера похоронили. Ждали-ждали тебя, не знали, едешь или нет. Долго держать нельзя, жара.

До глубокой ночи просидел Николай у свежескопленного холмика, молча курил и курил.

Скромно отвели девять дней по русскому обычаю. Соседи разошлись по дворам, принялись каждый за свою работу по хозяйству. Николай не знал, к чему руки приложить, ходил хмурый, подавленный. Потом зачем-то начал поправлять завалившийся забор. От калитки его окликнул женский голос: «Вам письмо». Какое ещё письмо? Ерунда какая-то. Взял конверт, пробежал глазами адрес и не сразу узнал свой почерк. Наконец дошло, что он сам отправил это письмо матери. Земля качнулась под ногами. Николай тихо осел тут же, у калитки, прижал к губам конверт и по-детски разрыдался.

1987 г.

ДОЛГИ

I

Лёшке было пятнадцать лет, когда впервые серьезно заболела мать. Она много лет работала дворником, чтобы получить квартиру в собственность. Квартиру получила, но от тяжёлой работы надорвалась и вот уже две недели не поднималась с постели. Лёшке пришлось взять всю заботу о матери, о доме на себя. Отца с ними давно уже не было. А помощь нужна как воздух. Кончились лекарства, кончились запасы продуктов. Вот уже два дня в доме нет хлеба.

Лёшка варил каши на воде из оставшихся круп. Матери становилось всё хуже. Где взять деньги на лекарства? Начались затяжные задержки зарплаты, и никто не знал, когда работникам ЖКХ будут выдавать деньги в следующий раз. Лёшка стал думать. У малочисленных знакомых такие же финансовые проблемы. В долг (а тем более – просто так) никто не даст.

И тут он вспомнил о соседе, что появился совсем недавно в квартире напротив. На вид ему было лет сорок, серьёзный, деловой, одет с иголочки. Часто тот приезжал на иномарках, из-за дверей слышался шум весёлой компании. Соседи шептались, что он из новых русских, связан с криминальным миром. И квартиру купил, и живёт на широкую ногу за счёт преступных своих делишек. Но Лёшке новый сосед почему-то нравился. Хотя они и не общались почти никогда. Однажды только столкнулись на площадке, когда закрывали одновременно свои квартиры.

Тот первый поздоровался:

– Здорово, парень.

– Здравствуйте, – вежливо ответил Лёшка.

Вот и всё общение.

«А что, если у него попросить? – пришла бредовая идея пареньку, – денег-то, наверное, мерено-немерено. Ему жалко, что ли, хоть немного?» Но, подумав, отказался от этой мысли: «Что ему какие-то нищие? Кто мы ему? И почему он должен давать?»

Вечером у матери температура подскочила, ни одной жаропонижающей таблетки уже не осталось. Она лежала беспомощная, тяжело дышала.

Лёшка вышел на кухню налить для матери воды из крана и в окно увидел, как возле их подъезда остановилась машина. Из неё вышел сосед, о котором думал Лёшка. Он слышал как-то, что приятели обращались к мужчине: «Жорик». «Наверное, Георгием зовут», – решил для себя тогда Лёшка.

Сосед по лестничной площадке уже вошёл в подъезд. Лёшка заволновался – попросить или нет? А вдруг пойдёт куда подальше? Но мужик вроде нормальный. И есть хочется, и матери плохо. По голове же не стукнет. Лёшка подошёл к своим дверям, чтобы встретить его. Но решимости хватило только для того, чтобы остановиться и прислушаться. Дядя Гоша (так Лёшка окрестил его про себя) открывал ключом свою квартиру. Дверь открылась и закрылась. Лёшка высунул нос на площадку. Его окутала волна до-

рогого одеколону, запаха непонятной чужой жизни, далёкой и загадочной.

Лёшка закрыл дверь и долго стоял в коридоре. Из комнаты донёлся слабый голос матери. Она просила воды. Лёшке стало стыдно, что до сих пор не исполнил её просьбу, и он быстро метнулся в кухню. Сам напоил из ложки мать, приподняв её голову. Она запёкшимися губами пила с жадностью и глазами как бы просила прощения, стесняясь сама себя. Потом кивнула сыну на кусочек хлеба, что лежал вот уже два дня на блюде на журнальном столике у её изголовья. Лёшка оставил его для матери, а мать не ела, предлагала сыну. Она взглядом просила сына взять хлеб. Лёшка в который уже раз только мотнул головой и ушёл на кухню.

«Нет, пойду», – наконец решился он и быстро, чтобы не передумать, выскочил на площадку, позвонил соседу в двери. Через несколько секунд ему открыли, на пороге стоял дядя Гоша в верхней одежде. Лёшка поздоровался, хозяин квартиры ответил, как и в прошлый раз: «Здорово, парень», и пошёл в комнату, оставив дверь открытой, дав понять, что гость может пройти. Лёшка секунду-другую колебался, но всё же шагнул через порог. Из коридора ему было видно, что хозяин сидел в комнате, всё ещё не сняв кожаный плащ. Вид был у него утомлённый, он словно провалился в глубокое кресло и, казалось, не собирался в ближайшие сутки вставать оттуда. Дядя Гоша спросил первый: «Что скажешь, парень?» Голос был у него уставший, но приятный. Лёшка не знал, с чего начать, как попросить денег. Наконец заговорил: «Мамка у меня...» – и вдруг лицо его исказилось и по щекам потекли слёзы. Больше говорить он не мог. Лёшка прислонился к косяку и уже вздрагивал всем телом. Мужчина внимательно посмотрел на него и вдруг резко встал, коротко бросил: «Пошли...» – и вышел первым из квартиры. Лёшка всхлипывая и утирая рукавом мокрое лицо, поплёлся следом.

Когда вернулся к себе, дядя Гоша уже стоял у постели больной. В запавших глазах на похудевшем, измождённом болезнью лице Зинаиды Яковлевны было недоумение и даже настороженность. Мужчина увидел засохшую корку хлеба, резко повернулся и прошёл на кухню, бесцеремонно открыл дверцу холодильника. Лёшка уже не плакал, не всхлипывал, только дышал учащённо. Но когда холодильник показал чужому человеку пустое нутро, у Лёшки запылали уши как никогда в жизни... Ему стало нестерпимо стыдно.

Дядя Гоша молчал. Затем вернулся в комнату, достал из внутреннего кармана плаща несколько крупных купюр и, не считая, отдал Лёшке. Потом мягким, тихим голосом сказал: «Купи лекарства и ещё что-нибудь». Задумался. Больная во все глаза смотрела то на деньги, то на соседа, и вдруг слёзы быстрым ручейком потекли из уголков глаз на подушку.

Мужчина словно очнулся и громко спросил у Лёшки:

– Врача вызывали? Почему не в больнице?

Лёшка начал оправдываться:

– Сейчас, говорят, надо платить в больнице, и очень много, мамка не захотела.

– Ладно, – примирительно сказал дядя Гоша, – рецепты есть? Беги в аптеку, и быстро.

А сам сел на табуретку возле постели Зинаиды Яковлевны и опять ушёл в свои думы.

Лёшка вернулся минут через пятнадцать. По пути из аптеки заскочил в магазин, взял продуктов. Влетел домой счастливый, бодрый. Дядя Гоша по-прежнему сидел у постели больной и что-то тихо ей рассказывал. Увидел паренька, поспешно встал, пожелал Зинаиде Яковлевне выздоровления, попрощался и вышел.

II

75

Благодаря лекарствам и хорошему питанию мать вскоре поправилась. Не сказать, чтобы совсем выздоровела, но уже могла ходить, делать посильную работу в доме. После лечения в стационаре ей дали инвалидность. Лёшка старался не попадаться на глаза дяде Гоше. При воспоминании о том вечере ему было почему-то стыдно.

А через некоторое время дядя Гоша исчез. В его квартире было тихо. Злые языки говорили, что его уперли в тюрьму за перепродажу краденых машин. Никто ничего не знал, но каждый строил свои догадки – и получилась целая детективная история. А Лёшке было жаль соседа, он даже ощущал в груди некоторое сиротство.

III

Прошло десять лет. Из подростка Лёшка превратился в Алексея, взрослого и самостоятельного молодого человека. Окончив школу с золотой медалью, поступил в институт, получил высшее строительное образование. Благодаря своему здравому смыслу и деловым качествам Алексей устроился в перспективную организацию, прилично зарабатывал. С матерью он перебрался в новую квартиру, купил машину. Была у него и любимая девушка, с которой собирались

в ближайшем будущем создать счастливую семью. В общем, дела его шли прекрасно.

Однажды, подъезжая на машине к своему дому, он увидел на лавочке старика, и сердце ёкнуло. Хотя вид этого человека был хуже некуда: неряшливая потрёпанная одежда, давно не бритое лицо, опухшие глаза алкоголика – Алексей узнал в нём дядю Гошу. Сожаление и досада шевельнулись в груди парня. За эти годы Алексей часто о нём думал и помнил его всегда уверенным, мужественным, спокойным и даже старался выработать в себе эти черты характера, а сейчас видел грязного, жалкого старика. Но Алексей всегда помнил о своём долге.

Выйдя из машины, он приблизился к мужчине на лавочке.

Тот встрепнулся и первым подал голос:

– Эй, парень, зелёной не найдётся? Очень надо.

Глаза смотрели с вызовом, насмешливо. Нет, он не узнал Алексея. Молодой человек тихо спросил:

– Дядя Гоша, это Вы?

– Нет, я не дядя Гоша.

– А кто? Жорик?

В лице старика что-то дрогнуло. Но, улыбаясь, он ответил:

– Я – Василий.

– Пойдёмте, Василий, со мной.

Василий охотно встал и потопал за Алексеем.

Они прошли в гостиную, не снимая уличную обувь. Зинаиды Яковлевны дома не было, иначе досталось бы на орехи обоим.

Усадив гостя в кресло, Алексей принёс закуски, достал из бара лучший коньяк, налил только для одного. Сам он не пил спиртного даже в большие праздники, не хотел. Старик трясушей рукой взял, ни о чём не спрашивая, выпил коньяк, стал закусывать.

Алексей молча наблюдал. Сколько раз юноша прокручивал в голове слова, предназначенные старому соседу на случай, если встретит когда-нибудь его. Но сейчас перед ним был уже не тот дядя Гоша, которому он готовил свою речь, и поэтому Алексей не знал, с чего начать. И всё же чувство благодарности, с которым он жил столько лет, не утратило своей силы.

Алексей решил:

– Дядя Гоша, можно я буду так вас называть? Вы меня не узнали?

Рука с вилок, на которую были нанизаны три кружка колбасы, замерла у рта.

Василий растерянно смотрел на хозяина квартиры:

– Где нам встречаться было, молодой человек? За колючку не дай Бог никому, а я уже своё оттопал.

Тогда, почему-то волнуясь, но не выдавая своих эмоций, Алексей рассказал про тот вечер, который останется в памяти у него на всю жизнь. Прищурившись, Василий внимательно слушал. И вдруг уставился на юношу, широко распахнув глаза. Алексей понял, что мужчина вспомнил всё. Они молча смотрели друг на друга.

– Я ваш должник и хочу вернуть долг, – сказал юноша, встал, вышел в другую комнату, отсчитал деньги, вернулся к гостю. – Купите приличную одежду. Вам нужно лечиться. У меня есть знакомый нарколог, могу договориться с ним.

Алексей положил деньги на столик.

Василий долго молчал. Затем, очень аккуратно двумя пальцами взяв верхнюю купюру, сказал:

– На опохмелку.

Встал и вышел не прощаясь.

ЭПИЛОГ

76
Через месяц после этих событий к дому, где жили Алексей и Зинаида Яковлевна, подъехал свадебный кортеж из пяти машин. Весёлая нарядная молодёжь дружно вывалилась из авто, заполнила пятачок у подъезда. Последними степенно, не суетясь, вышли Алексей со своей уже венчанной женой Леной и направились ко входу. Их встречала с хлебом-солью Зинаида Яковлевна. По заведённой традиции молодые должны были откусить от пирога без помощи рук (кто больше – тот и хозяин в доме будет).

Когда Алексей наклонился, Зинаида Яковлевна шепнула:

– Лёша, посмотри направо.

Молодой человек так и сделал – и замер. Чуть в стороне от гостей, улыбаясь, стоял Василий. Чистый, подстриженный «ёжиком», тщательно выбритый, совсем как десять лет назад. Только вот седины прибавилось и морщин на лице.

– Я его на рынке встретила две недели назад, но Вася просил не говорить тебе пока... – заторопилась с объяснениями Зинаида Яковлевна.

Но Алексей уже шёл к нему. Взял его руки в свои.

– Дядя Гоша, будешь моим посажёным отцом?

Тот быстро-быстро согласно закивал. В порыве чувств они крепко, по-мужски обнялись.

1999 г.